

Надежда Артёмова

г. Люберцы,
Московская обл.

Кукушка

Маруся, как ни странно, помнит. Она тогда была еще частью мамы. Никто не верит Марусе, когда она говорит об этом, но все сходится в одном – да, правда, на месте огромного бежево-серого дома был зеленый виноградник.

Маруся часто рассказывает, как привезли маму. С огромным животом. К маме подошла бабушка и протянула ей гнездо. Серьезно. Маленькое свитое птицами соломённое гнездышко. Марусе оно очень понравилось. А мама почему-то заплакала: «Срубили?» «Танюш, – отвечает бабушка, – вам жить где-то надо, а по метрам в нашем дворе еще один дом встать может. Ваш дом. Чего рыдаешь-то?» Мама гнездышко в ладошках будто греет. «О, дура!» – говорит бабуля, машет рукой и уходит. А мама так и остается, поглаживая большой живот, в котором лежит внимательно за всем наблюдающая Маруся.

Вместо огромного ветвистого кудрявого зеленого виноградника – яма. Мама почему-то вечно плачет. Не родившаяся Маруся из-за своего укрытия наблюдает за тем, как яма превращается в прямоугольник. Из

него вырастает дом с большими окнами. Виноградник был намного красивее.

– Малыш, подъем, – тихонечко шепчет Таня над кудрявыми локонами на подушке.

– Никакой я не малыш, – сонно отзывается дочь, – я уже почти первый класс закончила.

Женщина подходит к окну, пока девочка нехотя встает из своей постели, внимательно рассматривает нетронутое полотно грязного снега у забора, открытые с вечера массивные черные воротины, заботливо подпертые кирпичами с обеих сторон, чтобы не захлопнулись от ветра. Не приезжал. Не удивительно. Она и не ждала. Вчера вечером, повинувшись давней привычке, оставила въезд для машины мужа открытым, но на самом деле не ждала.

– Мама, по-моему, мы совсем опоздали в школу, – доносится из кухни.

– Маруся, мы не идем сегодня в школу. Мы едем к бабушке. Ты едешь.

– Не называй меня так, пожалуйста. Я – Маша. Просто Маша.

– Как просто Мария? – улыбнулась Таня.

«Как ж тебе повезло, глупая, – думалось Тане, пока она помогала стягивать дочке пижамку и переодеваться в уличное, – хотела бы и я просто уехать к бабушке».

Маруся собиралась нехотя. Она смотрела на отстраненную мать и понимала, что в этот раз точно что-то не так. С самого рождения приученная ни о чем не расспрашивать, она все равно видела, что мама хоть и улыбается, и обнимается, но по-другому, тоскливо и вымученно. Большой дом этим утром не был привычным, светлым и уютным убежищем для маленького человечка, а стал, освещенный холодным светом из окон, серым, враждебным. Нельзя ехать к бабушке посреди учебной недели. Нельзя вчера ходить в школу, а сегодня не ходить.

– Мама, привет, – доносятся до Маруси обрывки телефонного разговора. – Ты выезжай, а я к твоему приезду подведу ее к автовокзалу, ты ее и перехватишь.

– То есть ты не едешь? – спрашивает Таню девочка.

– Нет, дочь, я не еду. А ты несколько дней побудешь у бабушки.

Таня не хотела ничего объяснять. У нее не было сил и времени.

На улице подморозило. Вчерашняя оттепель превратилась в опасный гололед, серый цвет залил весь пейзаж – от земли до неба, отчего совершенно перестал быть виден горизонт. Все смешалось – снег, асфальт, деревья, дома, люди. Все серо. Март, наверное, самый коварный месяц в году. Каждый человек из года в год знает, что это еще один зимний месяц, но все равно ждет весны и поздравляет близких с ее наступлением.

Остановка пригородных автобусов непривычно пуста. Маленькая Маруся помнит, сколько народу тут толпится по выходным, а сегодня пусто и тихо, только одинокая маленькая женская фигурка маячит около одной из больших машин.

– Бабушка! – кричит девочка, разглядев лучше фигурку. – Мы здесь!

Бабушка, услышав окрик, спешит навстречу. Крепко обнимает девочку. Берет за руку стоящую рядом дочь.

– Танюш, я билетки взяла уже, едем через десять минут. Как ты, дочка?

Бабушка спрашивает взволнованно. Бабушка что-то знает. Все, наверное, вокруг что-то знают, чего не знает Маруся, но спрашивать не велено.

– Да ничего, мам, уже лучше, – отвечает Таня.

– И когда ж приедет-то?

– Может, сегодня, может завтра. Не знаю. Точно ничего не говорил. – Таня запрокидывает голову вверх, утирает проступившие слезы.

– Кто приедет? – не выдерживает Маша. – Папа из командировки?

– Да, дочь, папа.

Маше становится веселее.

– Значит, тогда вы меня и заберете?

– Не знаю, Маша. Наверное. Поезжайте.

– Да, дочка, поехали мы, – бабушка суетливо берет девочку за руку и ведет в сторону автобуса. Подталкивает по ступенькам внутрь. Мама остается снаружи. Устало присаживается на скамейку остановки.

«Простудишься же!» – хочется закричать Маше, но двери уже закрываются, и автобус трогается.

Таня сидит на деревянной лавочке. Дождается, когда автобус скроется из виду, и медленно бредет домой, постоянно поскользываясь на прозрачном льду проселочной дороги. «Глупо как-то все, – злится женщина, – вот вся жизнь, как этот мартовский гололед. Поскользывается, чуть не падаешь, ну что же от страха переворачивается, но в последний момент удается удержаться. Раз, другой, а на третий все равно падаешь. Встаешь, дальше идешь, а песком посыпать не додумываешься».

Большой дом пуст. Ворота Таня еще с утра закрыла и больше открывать не стала, пора избавляться от старых привычек. Таня заходит в прихожую, включает свет, медленно стягивает с себя пальто, сапоги, будто специально тормозит себя и все свои движения. Вытаскивает из кармана телефон. Дисплей предательски не отображает ни пропущенного звонка, ни сообщения. Пусто. Голо. Набирает номер. «Муж».

– Алло, – отзываются с того конца несуществующего провода.

– Привет. – Что говорить? Зачем она звонит, когда и так все понятно?

– Привет.

Надо собраться с мыслями и довести все до конца.

– Так когда ты приедешь?

– Завтра. Наверное.

Отбой.

Утро выдалось таким же, как и вчера. Как и позавчера. И таким же, какое выдастся завтра. Март беспощаден. Весны ждать еще долго.

У бабушки пахнет блинами.

– Бабуля, мне с молоком и с сахаром! – кричит девочка из спальни, быстро выбираясь из-под теплого одеяла.

– Умойся сначала, сладкожежка, – отвечает бабуля из кухни, – и зубы почисти.

Ребенок лениво бредет в ванную. Глупые ежедневные ритуалы для взрослых. В школу идти не надо, зачем тогда вообще чистить зубы.

– Маруся, – гладит по голове внучку женщина, пока та уплетает тонкие домашние блинчики.

– Не Маруся, а Маша, – поправляет ее девочка с набитым ртом.

– Маша, там к тете Вале, соседке, тоже внучка погостить приехала. Я тебя к ним после завтрака отведу, ты с ней познакомишься, и вы гулять пойдете, хорошо?

Маша откладывает недоеденный блин.

– Она тоже в школу не ходит?

– Ходит, наверное, просто они с мамой очень редко тетю Валю навещают, вот и осталась на пару дней, – ответила бабушка.

– Так пойдешь знакомиться?

– Пойду.

– Тогда одевайся.

Маша бредет в комнату натягивать вещи для прогулки, надеясь, что новая подруга хоть немного скрасит ее неожиданные и совсем не нужные выходные.

Квартира тети Вали совершенно не отличается от квартиры бабушки. Тетя Валя от бабушки тоже мало чем отличается. Сколько Маруся себя помнила, эти две женщины всегда были закадычными подружками. Вместе плакали над сериалами, вместе ругали своих уже покойных мужей, вместе жесточно выбивали скидку, хоть в пять рублей, у торговки на местном рынке. Только у бабушки была дочь, а у тети Вали сын. Маша знала, что у соседки и правда где-то есть внучка, и появилась она, как казалось Маше, задолго до того, как появилась на свет сама Маша, но почему-то эта внучка никогда не приезжала летом или на каникулах, не бегала с Машей и ребятами из соседнего подъезда по двору, не каталась на велосипедах, и вообще никто и никогда ее не видел. Так что про нее все благополучно забыли и, когда тетя Валя, приходя в гости, долго рассказывала бабушке про свою Светочку, Маше казалось, что соседка безбожно врет и просто завидует тому, что у бабули есть прекрасная живая внучка, и все об этом знают. Но оказалось, Светочка на самом деле существует и даже прямо сейчас обувается в красивые ботиночки, чтобы пойти с ней, с Машей, гулять.

– С Богом. Далеко не ходите, снег не

ешьте, не ругайтесь, – дала напутствие тетя Валя, бабушка улыбнулась, и девочек отправили за дверь.

Света оказалась на удивление молчаливой.

– А сколько тебе лет? – спросила Маша, чтобы как-то начать разговор.

– Девять, – ответила Света, даже не взглянув на попутчицу.

– А мне семь.

Неуютная тишина, серый грязный снег и промозглый холодный ветер заставили Машу снова задуматься о том, что со вчерашнего утра все идет совершенно не так, как надо. Девочка нутром осознала, что не должна она здесь гулять в такой день. Густые зеленые кусты, раз в неделю заботливо подстригаемые дядей Толей с первого этажа, оказалось, совсем не кусты, а палки, некрасиво торчащие из снега; песочница, в которой они с подружками летом готовят пироги и торты для мальчишек, и не песочница вовсе, а пепельница и мусорка, полная грязи, пустых банок и чего-то еще, скамейки и качели на детской площадке, летом кажущиеся такими яркими и веселыми, на самом деле просто деревяшки с облупившейся краской.

– Странно так, – начала Маруся после долгих раздумий, – весна, а холод и снег.

– А с чего ты взяла, что это весна? – улыбнулась первый раз за долгую прогулку Света.

– Говорят так, – удивилась Маша.

– А кто говорит?

– В школе говорят... мама. Март – это весна.

– Все б тебе верить в то, что говорят! – засмеялась подруга. – Видишь же сама, что зима. Самая что ни на есть зима. Говорят ей...

Девочки побрели дальше.

Таня налила себе кофе и села за огромный пустой стол в центре такой же огромной кухни. Размер этого пустого дома, стерильная чистота во всех его комнатах, густая давящая тишина заставляли Таню бежать, бежать со всех ног из этого стро-

ения, которое семь долгих лет было ее домом, гнездом, которое надо вить. Что-то внутри, глубоко в сознании женщины заговорщически нашептывало, как было бы хорошо из заботливой пташки превратиться в кукушку, собрать все самое необходимое и просто сбежать, никому ничего не объясняя, – ни матери, ни дочери, ни друзьям.

Таня дернулась, сама испугавшись своих назойливых мыслей, своего желания, такого отчетливого и осязаемого. Первый раз за несколько последних долгих лет она чего-то страстно захотела. И вот, уже готовая встать и двинуться в спальню, чтобы положить в сумку без разбора несколько вещей, деньги и документы, женщина услышала, как в замке проворачивается ключ. Все напряжение последних дней хлынуло из ее рук в виде недопитого кофе на пол. Она медленно вышла в прихожую. На пороге стоял ее муж.

Маруся выбрала самую сухую и чистую скамейку на площадке, забралась на нее и хлопнула рядом с собой ладошкой, приглашая Свету присоединиться.

– Света, а почему мы раньше не познакомились? Ты не приезжала к бабушке никогда?

– Точно. Не приезжала, – ответила Света и молча уставилась вдаль. Маша нервно поерзала на своем месте.

– Так почему?

– Не знаю, мама раньше не хотела сюда ездить.

– Ну, ты бы с папой ездила, – удивилась Маша. – Или бабушка бы сама тебя забирала. Меня вот иногда забирает.

– Ничего ты не понимаешь. Мы с папой не живем, он нас бросил. Мама только недавно начала дружить с бабушкой, вот и привозит меня сюда иногда. Теперь ясно?

– Нет, – потупила Маруся глазки. Как-то не по себе стало, будто оставили дома одну, а ты роешься в родительских видеокассетах, находишь неподписанную. А ты уже и видеопроигрывателем пользоваться умеешь, и знаешь, когда и на какую кнопку нажать, и вот включаешь эту кассету, а

там... Смотришь немножко, потом перемазываешь на то место, на котором было. Выключаешь, ставишь все на место, но, когда родители домой приходят, бежишь, сломя голову, к себе, и дверь закрываешь. В свою розовую детскую. Только чтоб их лиц не видеть. Потому что стыдно. Им. Должно быть. Хоть они и не знают.

– Странно, – продолжала Света. – Все так живут.

– Нет, не все. Я не так. Я с мамой и папой живу.

– Ну, не знаю. Мне мама всегда говорила, что я легко отделалась, – сказала Света. – У некоторых детей родители вообще умирают или бросают их. Таких детей потом забирают в детдома. Вот это страшно.

– Пойдем домой, пожалуйста. Я замерзла, – ответила Маша.

Мужчина на пороге долго отряхивал ботинки, разувался, снимал пальто, специально не смотря на стоявшую в дверях Таню. Таня смотрела на мужа, внимательно изучая каждое суетливое неловкое движение, угловатую фигуру, виновато опущенные плечи. Вдруг Тане стало легко и спокойно, будто вот прямо сейчас, прямо здесь она оказалась на той временной точке своей жизни, когда первый раз все происходило так, как должно происходить. Вот этот человек, такой жалкий и виноватый – разве ее это муж? Нет, совсем не ее.

– Привет, – поздоровался этот незнакомец со своей женой.

– Здравствуй, Миш. Будешь кофе? – спросила Таня.

– Да, пожалуй.

Чужие друг другу люди прошли на общую кухню своего общего дома.

– Черт! – вырвалось у Миши.

– Что?

– Мокро.

– Я разлила кофе, – улыбнулась Таня.

– Носок промок, – с сожалением рассматривал свои ноги Миша.

– Так переодень. Твои вещи еще здесь.

– Неважно.

Кофе пили молча. Таня смотрела в окно,

за забором были видны макушки сосен. Тане чудилось, что вот еще совсем чуть-чуть, пару глотков остывшего черного, и сорвется она с места, обернется маленькой птичкой, вылетит в форточку большого окна и понесется над этими деревьями, свободная, счастливая. И не нужно будет каждое утро вставать с кровати, выходить в этот холодный дом, включать свет в комнатах, будить незнакомца, спящего на соседней подушке, слушать про неправильно пожаренную яичницу, завязывать галстук, узлы которого ей никогда не удавались. Вот-вот, еще пару мгновений, и все закончится, будто и не было ничего. Только Маруся. Марусе как объяснить?

– Таня, – прервал муж фантазии женщины, – я вообще поговорить приехал.

– Не о чем. Я все поняла. – Таня допила кофе и, так и не обернувшись птицей, тяжело вздохнула.

– Прости меня, Танюш.

– Уже свыклась.

– Так быстро?

– Последние несколько лет – это разве быстро?

– Ты права. Давно все закончено, – мужчина устало склонил голову.

– Не стоило и начинать.

– Ты была беременна.

– Не повод. Марусе было бы лучше изначально знать, что мама и папа живут раздельно. Теперь ей как объяснить?

– Со временем поймет. Вырастет.

– А пока не выросла? И что мы ей скажем? Не стыдно?

– Стыдно.

– Она нам верит, а мы ее обманули. Друг друга обманули и ее.

– Я всегда буду рядом. С ней. С тобой.

– Со мной не надо. Да и у нее спросить придется – захочет ли, что б ты был рядом.

– Таня, не надо так. Я пытался. У нас не получается. Никак.

– У тебя кто-то есть? – Дежурный вопрос, женщина понимала. Ей ведь совершенно все равно. Но так все делают. Все при новости о разводе спрашивают у мужей, появился ли кто-то. Наверное, доброй половине женщин на самом-то деле совер-

шенно все равно, есть или нет. Сейчас Таня это понимала. Этот вопрос – просто какой-то давний ритуал, который обязательно нужно совершить.

– Это не важно, – ответил мужчина. Таня улыбнулась. По-доброму так, без злости.

– Ладно, Миш. Чего из пустого в порожнее переливать. Собрался – иди. С вещами и жильем потом разберемся, не до этого пока. Возьми необходимое и ступай. Бог с тобой.

Мужчина собрался, обулся, оделся и вышел за дверь. Все. Таня вернулась в кухню. Стол. Стул. Окно. Одна. Захотелось выпить.

– Бабуля, мы едем домой? – спросила Маша бабушку, пока та застегивала на ней курточку.

– Да, детка, домой.

– Ну, наконец-то! – выдохнула девочка. Бабушка засмеялась.

Таня стояла в спальне у большого зеркала, внимательно себя рассматривая. Какое-то странное, почти магическое неприятие своего отражения охватило женщину. Она уже несколько долгих часов стояла тут вот так, пытаясь свыкнуться с тем, что зеркальная дверь шкафа отражает именно ее, а не какую-то незнакомку. Вот она. Такой ее видят люди. Ежечасно, ежеминутно. Вот ее волосы, вот руки. Таня провела пальцами по лицу. Вот глаза. Зеленые. Интересно, были бы карие, все было бы иначе? А волосы были бы цвета льна, где бы она сейчас была? А если бы скулы были высокими и четкими, а не такими, как сейчас, почти незаметными, что бы она сейчас делала? Может быть, если бы кожа ее от рождения была не цвета топленого молока, а цвета горького шоколада, она жила бы в другой стране, и не было бы никогда ни брака этого глупого, ни дома этого огромного, ни леса соснового за забором. Но нет. Она такая.

Женщина остановила свою руку на левой груди. Вот здесь сердце. Ее сердце. Оно очень хочет бежать вместе со своей хозяйкой. Бежать далеко, насовсем. Сесть в пер-

вый проходящий мимо поезд и ехать, ехать. Потом, по прибытии, пересесть в другой поезд, а там в третий, четвертый. Составиться и умереть в поездах. Или лететь. Не оглядываясь. И когда-нибудь, совсем не подозревая и не загадывая, в одном из аэропортов огромного мира купить очередной билет в самолет, который, набрав максимальную высоту, разобьется о скалы. Все телеканалы будут твердить о катастрофе, опубликуют списки погибших, мама с дочкой, а может быть, и бывший муж горько вздохнут и пойдут с цветами к месту, где поминают пассажиров неудавшегося рейса.

Три секунды.

Когда говорят «мне нужно подумать» – это ложь. Человеку нужно три секунды для принятия решения. Окончательного. Потом человек может думать дальше. Минуты. Часы. Дни. Годы. Но он вернется. К тому первому решению, которое принял в те три секунды. Когда юной девушке делают предложение выйти замуж, а в голове срабатывает щелчок и красным флуоресцентным светом загорается значок «нет», но старые родственники заставляют принять предложение, через много лет она вернется к тому первому «нет». Когда она узнает, что беременна от парня из соседнего подъезда, и в первые три секунды она думает: «Я хочу этого ребенка», а дряхлая мамаша под страхом смерти запрещает рожать, и она делает аборт, через много лет снова приходит то трехсекундное «хочу». И так со всем.

Тане хватило трех секунд. Раз. Таня резко повернула голову влево, прислушалась. Такая же тишина, как и секунду назад. Два. Таня вернула голову в первоначальное положение. Внимательно посмотрела в свои глаза, отражающиеся в огромном зеркале. Три. Сорвалась с места, быстро подошла к комоду. Дальше все пошло так, как должно. Выбрав один путь, женщина знала, что другого нет, теперь правильно вот так. Только так. В небольшую дорожную сумку быстро полетели паспорт, кошелек, косметичка. Все. Если начать собираться основательно – совесть съест. Поглотит. Если положить в сумку даже мелочь, например зубную щетку, это уже станет преступлением.

Теперь нужно вызвать такси – это просто. Она и раньше вызывала такси. Когда было слишком холодно, она и до магазина за сахаром могла ездить на такси. Вот и сейчас. Женщина подалась к выходу из комнаты. Главное – не смотреть в сторону детской, иначе сразу будет ясно – это побег. Но если избежать детской, то это просто выход за сахаром.

– Алло. Да. Машину, пожалуйста. Соновая, 3. До вокзала. Спасибо.

– Бабуля, а мама не должна нас встречать? – Маруся-егоза выпрыгивает из кресла опостылевшего ей автобуса, идущего уже больше двух часов.

– Нет, детка, я тебя сама домой отвезу, – отвечает бабушка, – я маме что-то не дозвонилась.

Дом пуст. Маруся быстро забегает во все комнаты, открывает все двери, заглядывает во все углы.

– Бабуля, нет никого.

Женщина стоит на пороге. Не разувается. Не проходит. Только тяжело вздыхает, вглядываясь в темноту пустых, будто давно не жилых комнат.

Девочка маленьким быстрым зверьком проскальзывает под бабушкиной рукой и выбегает на улицу. Женщина идет за ней.

За воротами полотном лежит нетронутый мартовский грязный снег. Впереди растилается ко всему безразличный огромный сосновый лес. Позади бабушки и внучки стоит беспристрастный бежево-серый дом. Вселенной совершенно все равно, что сейчас происходит в этой точке земного шара.

– Бабушка, а когда мама с папой приедут?

– Не знаю, детка.

Все замолкает. Пожилая женщина и маленькая девочка берутся за руки и замирают. Сумерки спускаются на улицу, окутывая недвижимые фигуры полумраком. И только где-то вдалеке раздается голос одинокой кукушки, зовущей своих давно брошенных птенцов, нарушающий тишину холодного уютного вечера.